

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ

Виктор Миронов, Артур Атанесян

Функциональный анализ проблематики международных конфликтов не является принципиально новой темой их изучения (как в целом, так и отдельных компонентов). Уже давно считается, что он акцентирует внимание на причинно-следственных связях в анализе конфликтов, показывает основные стороны их содержания, позволяет оценить их последствия для системы международных отношений в целом. Генетически и проблемно функционализм был связан с системным подходом. Несмотря на ограничения в применении данного подхода в изучении политических процессов, использование функционального инструментария позволяет несколько сгладить многообразие и противоречивый характер оценок современного международного порядка, перевести разговор о международных конфликтах и кризисах из умозрительных расчетов и обыденных наблюдений в модель среднего уровня.

Литература, посвященная исследуемым проблемам, весьма обширна и сама способна стать темой для отдельного изучения. Перечень книг о системном анализе и его современных разновидностях включает в себя труды от «отцов-основателей» подхода Д. Истона, Т. Парсонса до современных учебных пособий по методам политического анализа. Однако в последнее время интерес исследователей к методу снижается как в теоретико-методологических, так и в практических работах. Целью данной статьи является попытка показать, что структурно-функциональный анализ нуждается не столько в обновлении и коррекции, сколько в адекватной адаптации. В качестве примеров было выбрано предметное поле современных политических конфликтов.

Традиционно выделяемые исследователями функции международных конфликтов многоплановы и отражают различные стороны влияния конфликтных действий на участников и среду системы международных отношений. К числу наиболее часто встречающихся в литературе функций относят следующие:

- конфликт создает и/или разрушает систему в международных отношениях;
- конфликт способствует созданию и консолидации военно-политических и иных объединений участников;
- конфликт способен повлиять на формирование региональных подсистем в международных отношениях;
- конфликт меняет внутреннюю природу его участников;
- конфликт внутри страны способен выполнять интегрирующую для общества роль;

- конфликт по мере развития изменяет набор и иерархию референтных объектов;
- конфликт может дифференцировать общество на различные группы;
- конфликт может стабилизировать систему международных отношений и т. д. [1, с. 196–197].

В настоящее время можно выделить еще одну, не менее важную функцию международного конфликта: его функциональность в перераспределении сфер влияния, в формировании и трансформации осей сотрудничества—вражды в системе и структуре международных отношений.

Многие из перечисленных функций были выявлены как специфические проявления конфликта еще в период «холодной войны». При этом сегодня сам феномен «холодной войны» может исследоваться с точки зрения системы и структуры международных отношений в определенных условиях, повторение которых будет способствовать воспроизведению явлений, аналогичных «холодной войне» между СССР и США, а также возникновению новых «холодных войн» в современных условиях.

Посмотрим, проявляют ли себя данные функции в современных условиях. Для формулирования гипотезы рассмотрим четыре ситуации и обозначим по шкале «да», «нет», «неопределенно» проявления указанных функций. Суммарно итоги «рабочих» наблюдений представлены в табл. 1.

Таким образом, отдельные проявления указанных функций можно обнаружить и в современных конфликтах. Даже при относительно слабой выраженности и низкой валидности некоторых из них имеются основания для анализа тех или иных конфликтов с помощью функционального изучения. Кроме того, функционализм дает возможность в этой ситуации квантифицировать наблюдения по единому основанию (рис. 1).

«Холодная война» является одной из наиболее интересных тем на стыке исторической науки, международных отношений, политологии и конфликтологии, а также социальной психологии. «Холодная война» интересна сегодня не только как явление исторического значения, но и как технология, как концепция ведения войн в определенных геополитических, военно-технических, идеологических условиях. Понятие «холодной войны», характеризующее большую часть истории советско-американских отношений, еще несколько лет назад казалось более историческим, нежели политическим и политологическим, так как, по мнению многих постсоветских ученых, «Америка нам больше не враг и даже не соперник, а "холодная война" — в равной степени вина как американцев, так и членов совет-

Авторы:

Миронов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Атанесян Артур Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии Ереванского государственного университета

Проявление функций в современных конфликтных ситуациях

Функции	Югославия, 1999 г.	Афганистан, 2001—2002 гг.	Ирак, 2003—2006 гг.	Соперничество в Центральной Азии
Создание/разрушение системы международных отношений	Пересмотр Хельсинских решений; нарушение норм суверенитета; игнорирование традиций общественного мнения <i>ослабление системы «-1»</i>	Талибский фактор как системоразрушающий (отрицание ценностей глобального мира); вмешательство коалиции не стабилизировало ситуацию в стране <i>«0» — неопределенно</i>	Создание «коалиции желающих» <i>усиление позиций лидера «+1»</i>	Попытка создания региональной подсистемы всеми участниками; разработка центрально-азиатской идентичности <i>«+1»</i>
Создание и консолидация международных объединений	Новые функции НАТО; ускорение интеграции Европы; хаос/интеграция [4, р. 29—55] <i>«+1»</i>	Неудача постконфликтного урегулирования; усиление английских позиций в борьбе с распространением наркотиков <i>«0»</i>	Раскол позиций США, Франции, ФРГ по поводу необходимости войны <i>«-1»</i>	Усиление роли ШОС, выход Узбекистана из ГУУАМ <i>«+1»</i>
Интеграция общества	Дезинтеграция сербов; мобилизация косоваров <i>«0»</i>	Традиционное разделение на общины не преодолено; слабость правительства Х. Карзая <i>«-1»</i>	Усиление внутреннего разделения страны; мобилизация мусульманского мира против политики США <i>«0»</i>	Попытка создания центральноазиатской идентичности, но незавершенность этого процесса <i>«0»</i>
Дифференциация общества	дезинтеграция сербов мобилизация косоваров <i>«0»</i>	Традиционное разделение на общины, кланы не преодолено; слабость правительства Х. Карзая <i>«+1»</i>	Усиление идентификации курдов, суннитов, шиитов <i>«+1»</i>	Существенных изменений нет на фоне 1990-х гг. <i>«0»</i>
Стабилизация системы	Преждевременно говорить о стабилизации (дискуссии вокруг плана М. Ахтисаари) <i>«0»</i>	Консервация внутреннего нестабильного положения; рост масштабов производства наркотиков <i>«0»</i>	Серьезная внутренняя нестабильность; рост терроризма <i>«-1»</i>	Сложно говорить о стабилизации по внутренним показателям и на фоне относительно молодой государственности <i>«0»</i>
Изменение режима участников	Парадокс войны за демократию; албанский национализм <i>«+1»</i>	Создание нового режима в Афганистане <i>«+1»</i>	Создание нового режима в Ираке <i>«+1»</i>	Для Киргизии «да», некоторые перемены в Узбекистане, но в целом <i>«0»</i>
Изменение референтных объектов в конфликте	Борьба против режима, утверждение гуманитарной интервенции сменилось идеей политического урегулирования и создания <i>nation state</i> <i>«+1»</i>	В целом нет; борьба с международным терроризмом — доминирующий мотив <i>«0»</i>	Уход с первого плана идей борьбы с режимом; угрозы распространения оружия массового уничтожения и выдвижение идей новой демократии и государственности <i>«+1»</i>	Для России в целом нет, для США — нет, но имеются изменения в концептуальных подходах <i>«0»</i>
Формирование региональной подсистемы	Импульс странам Восточной Европы на вступление в ЕС/НАТО <i>«0»</i>	Попытка воздействия на Пакистан <i>«0»</i>	Попытка воздействия на Пакистан и Иран, но с обратным эффектом для Ирана <i>«0»</i>	Неустойчивые показатели процесса: формирование регионального рынка, но особенности регионального сотрудничества <i>«0»</i>

зарубежный опыт

международные отношения

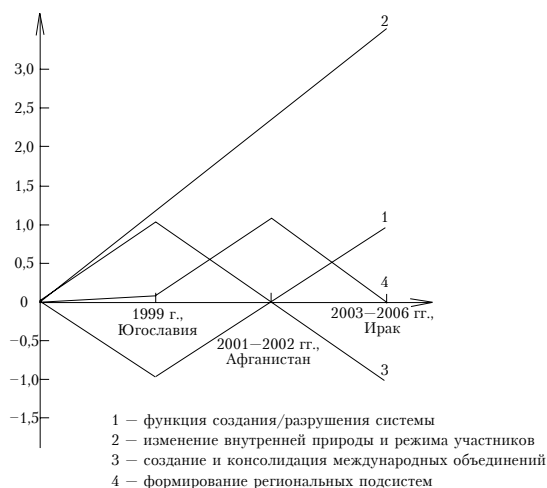

Рис. 1

ской номенклатуры». Между тем, война в Косово 1999 г., ее необоснованность и неурегулированность поствоенной ситуации на Балканах, спорность и макрореконфликтность создавшей ситуации вокруг вопроса провозглашения независимости Косово заставили некоторых поутихнуть, вместе с тем, придав новый импульс представителям советской политической науки последней четверти XX в., которые вновь обрушились с критикой современных американских лидеров и их действий.

События в Афганистане, в результате которых США фактически установили в этой стране удобный и послушный режим Х. Карзая, напомнили о том, что именно американцы, называвшие аналогичную стратегию СССР в Афганистане советской агрессией, теперь более успешно реализовали ее в условиях отсутствия прежней «холодной войны», а может именно благодаря такому отсутствию.

В связи с этим, особенно в российских научных публикациях, появились временно забытые антиамериканские идеологические установки, теперь уже более конкретные, связанные не только с обвинениями США в развязывании новых войн, но и с анализом современной политики в терминах советско-американской «холодной войны». Параллельно в научных и массовых публикациях российских и некоторых других постсоветских авторов появились не прямые антиамериканские аналитические идеи, направленные не столько на критику войн США в Афганистане, а затем в Ираке, сколько на выражение сомнения в целесообразности использования американского опыта демократии в своих странах. Именно в это время наиболее частыми стали политические лозунги и программы построения «своей модели демократии» (Россия, Казахстан), учитывающей специфику страны и региона, отличную от американских предпосылок. Таким образом, перестроечные и постперестроечные желания стать похожими на американцев превратились в желание отличаться от них, развиваться самостоятельно, без помощи «западных учителей», но и не в противовес им. Хотя, следует отметить, что иногда некоторые постсоветские аналитики обсуждают процессы демократизации в своих странах с позиций дилеммы — или у нас будет своя демократия, или никакая.

С другой стороны, реализация военных проектов и периодические военно-политические решения, направленные на национальных интересов США, казалось бы, уводят от понимания современной политической ситуации вокруг войн на Балканах, в Афганистане, Ираке в терминах «холодной войны», так как идет именно «горячая война». Однако не следует забывать, что «холодная война» — война прежде всего информационная, идеологическая, т. е. боевые действия последнего десятилетия — это те «островки» мировой политики, вокруг которых протекают разнонаправленные информационные потоки, способные столкнуться и привести к возобновлению новых типов «холодных войн».

Кроме того, важнейшим аспектом «холодной войны» признается ценностный конфликт, разворачивающийся, как правило, не на поле боевых действий, а в сфере социальной психологии — в общественном сознании, массовых оценках событий, в политической активности и мобилизуемости общественных настроений. Это — менее измеримая сторона конфликта, от которой существенно зависит его реальное состояние и которая служит необходимой почвой для реализации информационно-психологических стратегий «холодной войны». «Холодная война» между СССР и США была сугубо функциональным явлением, обусловленным особенностями системы и структуры международных отношений в биполярном мире. При этом функциональность «холодной войны» определялась и реализовывалась на различных уровнях — стратегическом, военно-политическом, символическом, идеологическом, информационно-пропагандистском.

«Холодная война» включает в себя минимум военно-технических средств (в отличие от традиционных войн с применением оружия), однако на-

сыщена такими компонентами, как информационные виды оружия, идеология и пропаганда, всякого рода стереотипы, образы врага, коммуникативные и психологические методы воздействия, технологии СМИ, и т. д. Между тем, весь этот спектр явлений в большинстве работ по «холодной войне» сводится к изучению исторического процесса ее протекания между СССР и США, т. е. «холодная война» представляется как последовательность событий, характерных для противостояния двух миров — капиталистического и коммунистического, причем ограничиваясь временным отрезком в 40 лет. Все остальное, включая информационные войны между представителями двух данных лагерей, обоюдное создание и нагнетание образов врага, различного рода интерпретации сведений, поступающих «оттуда», и многое другое, ошибочно подавалось лишь в качестве контекста «холодной войны» как исторического этапа. Между тем, именно все эти феномены в своей совокупности и являющиеся «холодной войной» в контексте определенных исторических событий.

«Холодная война» как в отечественной, так и в западной литературе по существу определяется в основном в двух плоскостях:

1) с точки зрения **системы** (особенности конфронтационных, конфликтных, сопернических и соревновательных политических, экономических, культурных, идеологических взаимодействий как система международных отношений между СССР и США с конца Второй мировой войны и вплоть до развала СССР);

2) с точки зрения **структуры** (участники «холодной войны» — СССР и США — стороны биполярного мира. Отсутствие одной из сторон якобы означает отсутствие/окончание «холодной войны», ее историческое значение).

Между тем, если оценивать определение «холодной войны» с точки зрения выполняемых ею функций (**функциональное определение**), то для ее описания как одного из явлений в международных отношениях следует выделить не столько участников и их взаимодействия, сколько их деятельность по имплементации собственных интересов через политику конфронтации, сдерживания, угроз, периодов «оттепели» и «похолодания», мшнения «наказанием третьих стран», принципиального идеологического противостояния и т. д. Такое определение «холодной войны» позволит дополнить создающуюся картину, выявить ее функциональное значение, а также применить модель «холодной войны» эпохи советско-американских отношений ко всем аналогичным случаям с участием других стран, как в прошлом и настоящем, так и в будущем.

В частности, функциональное определение явления «холодной войны» позволяет применить ее характеристики к современным постсоветским российско-американским отношениям, которые в этом случае станут не чем-то новым и непонятным (непредсказуемым), а лишь логическим и хронологическим продолжением «холодной войны» эпохи советско-американских отношений. Кроме того, в терминах «холодной войны» достаточно явно прослеживаются современные американо-иранские отношения, очень напоминающие советско-американское противостояние.

Бесспорно и то, что конфронтация между США и Россией продолжается и сегодня, теперь уже в условиях российских реалий в контексте мира с неопределенной полярностью. Сегодняшние российско-американские отношения очень напоминают «замороженный конфликт», где кроме прямых военных действий допустимы все средства борьбы, включая насаждение мифов и антипропаганду, поддержание образов врага (тому свидетельство — огромное количество новых американских фильмов про русскую мафию, заменивших фильмы про «русских коммунистов» и их жестокость), борьбу за сферы влияния и ресурсы и т. д. Идеологическая база неоконсерваторов, очень авторитетных в научно-политической элите США, основана на принципах мирового политического лидерства Соединенных Штатов, одним из наиболее вероятных следствий чего является конфронтация с другими, причем на обоих уровнях — «горячем» и «холодном». Интересно заметить, что именно функциональность подобной стратегии заставила российскую политическую элиту во главе ранее с президентом В. Путиным (а теперь и с Д. Медведевым) перенять стратегию мягкой конфронтации, проявляющейся на информационно-идеологическом уровне и направленной на символическое сдерживание американских амбиций в мире. Ряд выступлений В. Путина был охарактеризован аналитиками как «новая холодная война», «вторая холодная война». Причем такие аналогии возникали именно при функциональном анализе современных международных конфронтаций.

Россия является не только наследницей, но и жертвой «холодной войны». Американцы не только не хотят забывать об этом, но и продолжают пользоваться преимуществами, достигнутыми на территории стран Варшавского договора. НАТО продолжает поглощать эти страны по принципу «большее поглощает меньшее», приближая тот момент, когда это самое «большее» станет существенно больше России...

Идеологическая кампания США и в меньшей степени — ряда других стран в отношении Ирана с его ядерной программой, в недавнем прошлом в отношении Северной Кореи, попытки убедить мировое сообщество, элиты и граждан заинтересованных стран в своей правоте и в необходимости (в основном — безальтернативности) подчинения воле и интересам монопольных лидеров современного мира — все эти процессы, исключая или предвосхищая непосредственные боевые действия, являются компонентами «холодной войны» в идеологическом, технологическом, политическом, а по сути — в функциональном плане.

Современные конфликтные события вокруг Грузии, а также применение информационных технологий времен советско-американской «холодной войны» к интерпретации причин и следствий данного конфликта, в частности американскими политиками, учеными, журналистами, возродившими прежние стереотипные ассоциации, связанные в западном мышлении с СССР и Россией (образ «медведя», сметающего все на своем пути, агрессивного и постоянно нарушающего покой и независимость своих соседей, и т. д.), еще раз подтверждают возврат мира к дискурсу «холодной вой-

ны». Данный факт может свидетельствовать также о появлении некоторых тенденций биполярности в противовес насаждаемой американской модели однополярного мира, что неминуемо сопровождается конфликтностью.

Еще одна важная сторона метода заключается в возможности применения функционального анализа к предмету современных международных кризисов. Проблемный характер данного вопроса заключается в том, что, с одной стороны, кризис — одна из стадий развития конфликта и «слепок» с конфликта в целом (микрокосм, если использовать философскую терминологию); с другой — исторический срез проблематики международных кризисов показывает уникальную природу данных явлений, а следовательно, неоднозначность любых сравнений кризисов в международных отношениях. Думается, что в сочетании с другими приемами исследования международных отношений функционализм способен и здесь наметить контуры разрешения данного вопроса.

Попробуем выявить кризисную стадию и ее особенности на примере иракского конфликта в 2003 г. с тем, чтобы оценить функциональные последствия конфликта для международных отношений. Данный вопрос представляется значимым еще и потому, что многие исследователи отмечали слабую выраженность кризисной стадии в современных региональных конфликтах.

Для анализа особенностей данного кризиса проведем направленный контент-анализ выступлений представителей различных стран в начале 2003 г. в ходе заседаний Совета Безопасности ООН, посвященных иракской теме. Для сравнения данных позиций с некризисной стадией используем выступления тех же участников в Совете Безопасности 16 октября 2003 г. и различных представителей администрации данной международной организации.

Индикаторы, по которым проводился контент, отражают различные стороны содержания конфликта и кризиса. Первую группу (индикаторы 1–4, 20) составили субъектные показатели ситуации; вторую (5–8) — качественные индикаторы мира; третью (9–11) — динамические показатели конфликта; четвертую (12–15) — маркеры безопасности и качественные индикаторы возможности применения силы и пятую (16–19) — предполагаемые целевые индикаторы участников (табл. 2).

Для анализа функциональных особенностей иракского кризиса квантифицируем рассмотренные позиции участников событий по двум основаниям.

Одной из основных содержательных характеристик любого кризиса является балансирование в это время между войной и миром. В ходе исследования подходов стран стало совершенно очевидно, что мир в Ираке и с Ираком участники событий представляли совершенно по-разному. Поэтому первый показатель — соотношение между миром и войной — отражает остроту (степень нетерпимости ситуации) восприятия кризиса в позициях участников.

Вторым показателем, примененным для квантификации позиций, было отношение к выбору средств разрешения кризиса. Эта переменная рассчитывалась как отношение частотности индикаторов сотрудничества к войне, что позволяло выявить отношение к силовому варианту разрешения противоречий в дни кризиса.

Сводная таблица данных контент-анализа

	Индикаторы	США	Велико-британия	Франция	Германия	Российская Федерация	Ирак	ООН	Итого	Ср. частотность
1.	Ирак	275	117	89	77	78	279	204	1119	159,85
2.	США	26	6	6	3	9	90	0	140	20
3.	ООН/Совет Безопасности	48	95	51	58	58	89	87	486	69,4
4.	Специальные комиссии ООН	33	10	6	14	30	43	69	205	29,28
5.	Мир/мирные средства	5	30	38	30	4	56	11	174	24,85
6.	Сотрудничество	19	13	7	8	7	28	17	99	14,14
7.	Урегулирование	0	3	6	4	14	9	4	40	5,77
8.	Разоружение	23	15	25	25	10	13	22	133	19
9.	Конфликт	1	0	8	3	4	0	7	23	3,28
10.	Кризис	0	4	15	8	5	7	2	41	5,85
11.	Война	3	5	23	21	4	40	7	103	14,7
12.	Безопасность	8	13	7	2	11	18	3	62	8,85
13.	Угрозы	7	16	10	4	10	14	0	61	8,77
14.	Вызовы	4	4	1	0	5	0	0	14	2
15.	Сила	9	21	34	3	1	17	3	88	12,57
16.	ОМУ	104	26	19	9	9	75	37	274	39,74
17.	Режим / С. Хусейн	89	32	6	12	3	3	0	145	20,77
18.	Терроризм / террор. организации	42	10	9	5	4	6	0	76	10,85
19.	Демократия	3	3	6	1	1	0	0	14	2
20.	Иные страны	–	15	35	17	14	–	–	81	20,25

И с т о ч н и к: разработка автора по [2].

Кризисная точка, грани, разделяющие подходы, исчислялись из суммарного среднего значения в позициях.

В результате показатели подходов стран выглядят следующим образом: США – 6,3 : 1,66; Великобритания – 2,6 : 6; Франция – 0,304 : 1,65; Германия – 0,98 : 1,42; Российская Федерация – 1,75 : 1; Ирак – 0,7 : 1,4; ООН – 2,4 : 1,57; средний показатель – 0,96 : 1,69.

Безусловно, полученные данные нельзя абсолютизировать. В данном случае речь идет лишь о приблизительном различии в позициях для оценки последствий кризиса в целом, а вовсе не о строгой научной верификации и готовой методике анализа конфликтов. Такое построение принимает во внимание лишь вербально сформулированные подходы, а не подлинные интересы участников. Не исключается и погрешность калькуляции формальных показателей. График представляет лишь попытку формализации позиций по единому основанию (рис. 2).

В представленной модели просматриваются четыре сектора распределения позиций. Сектора II, III отражают специфику подходов непосредственных военных участников кризиса. При этом любопытно само расположение позиций Великобритании и США в секторе II, которое отражает своеобразное «разделение труда». Американский подход характеризуется максимальным показателем в области выбора силовых средств разрешения ситуации, в то время как английский подход дает максимальный показатель в восприятии нетерпимости ситуации в Ираке в период кризиса. Но с позиций американского подхода конфликт выглядит вполне умеренным, не подрывающим основные системные ценности и по остроте восприятия вполне соотносим с подходами Германии, ООН, Российской Федерации

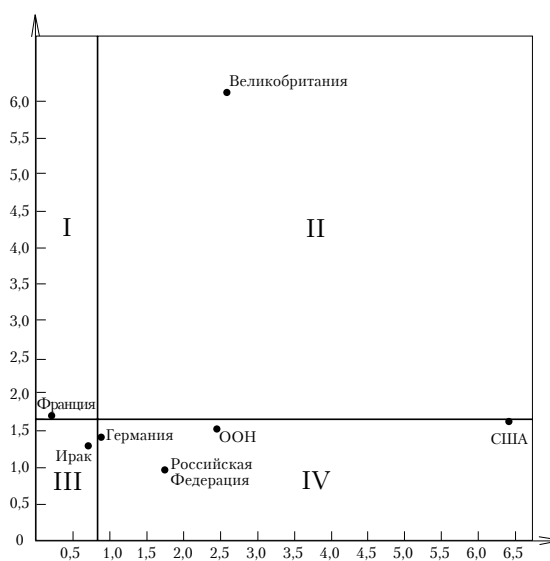

Рис. 2

и даже Ирака. Английский подход, в свою очередь, был умеренным в измерении кризиса в силовом разрешении.

Данные обстоятельства подчеркивают размытость пороговых показателей кризисной фазы конфликта в современных условиях. Не случайно отдельные параметры расхождения силовых позиций между Ираком и США варьируются в пределах показателя 0,22, а позиции основных участников по степени нетерпимости ситуации – 0,6.

Тем не менее, позиция Ирака оказывается единственной в своем секторе. Пользуясь терминологией М. М. Лебедевой, Ирак оказывается в ситуации, где нет «переговорного пространства», а иные участники активно разрабатывают альтернативы по выходу из кризиса [3, с. 138–139].

ООН, стараясь придерживаться компромиссной позиции в дни кризиса и разделяя ценность политического разрешения ситуации, объективно оказывается между II и IV секторами. Кроме того, подход организации имеет высокий индекс балансирования между силовым принуждением и политическим урегулированием. Не случайно доклады комиссий ООН так или иначе повлияли на рассмотрение ситуации в Ираке международным сообществом в категориях силы.

Позиции основных «несиловых» участников оказались разобоченными между секторами I и IV, а немецкий подход — между секторами III и IV. Это свидетельствует о сложности определения «переговорного пространства» при наличии альтернативных взглядов на политическое урегулирование, а также о сложности быстро консолидировать позиции друг с другом. Российский подход определяется высоким индексом силы из-за склонности связывать ситуацию с международной и региональной безопасностью, что как раз не свойственно представителям Франции и Германии.

Иракский кризис с точки зрения основных функций его измерения можно назвать характерным для международных отношений последних 10—15 лет. Единства участников Совета Безопасности не наблюдалось, как и в предшествующую эпоху. Организация Объединенных Наций не сумела воспрепятствовать применению силы. Однако система отношений внутри организации от этого не разрушилась, а ценность политического урегулирования была скорее девальвирована, а не отброшена кризисом.

Конфликт в Ираке, безусловно, повлиял на изменение внутренней природы его участников. Позиции стран, входящих в Совет Безопасности, были ослаблены ставкой на несогласованное применение силы, хотя и нашли понимание у ряда участников конфликта. Кризис как микрокосм конфликта также продемонстрировал эту функцию. Более всего функция трансформации внутренней природы участников характеризует Ирак и США, хотя можно отметить и миролюбивую роль Германии в дни кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в теорию международных отношений: учеб. пособие. М.: МГУ, 2001.
2. Заседания Совета Безопасности в 2003 г. и принятые на них решения [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <<http://www.un.org/russian/document/scaction/2003/index.htm>>. Дата доступа: 10.04.2006.
3. Лебедева, М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, технологии решения. М., 1999.
4. Waever, O. Securitization // On Security / ed. by D. Lipschute. N. Y., 1995.

«Проблемы структурно-функционального анализа современных международных конфликтов и кризисов» (Виктор Миронов, Артур Атанесян)

В статье на примере предметного поля современных политических конфликтов («холодной войны» СССР и США, конфликтов в Югославии, Афганистане и Ираке) сделана попытка продемонстрировать, что структурно-функциональный анализ при адекватной адаптации позволяет проводить сравнительное изучение сложных международных ситуаций.

В сочетании с другими методами структурно-функциональный анализ позволяет фиксировать кризисную ситуацию в конфликте и квантифицировать позиции участников современных международных отношений в рамках проблемных моделей.

«The Problems of Structural Functional Analysis of Modern International Conflicts and Crises» (Viktor Mironov, Arthur Atanesyan)

The article analyzes the field of modern political conflicts (the «cold war» between the USSR and the USA, conflicts in Yugoslavia, Afghanistan and Iraq) to demonstrate that structural functional analysis, if properly adapted, may allow effective comparative study of complex international situations.

Complemented by other methods the structural and functional analysis permits to identify the critical situation in the conflict and to quantify the positions of the actors of modern international relations within the framework of problem models.